

Наши в Лондоне

С. Чаленко

История России... В ней было все: и деспотия, и тиранья, и варварство, и крепостничество, и вызывающее изумление на Западе казнокрадство. Однако вот загадка - национальный гений Александр Пушкин, более других видевший социальные язвы страны, в «Письме к А. Чаадаеву» оставил в назидание потомкам пронзительные слова: «Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить Отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал». В чем же дело?

Ключом к пониманию этой фразы может служить другое пушкинское высказывание о том, что история России при всех ее ужасах есть пример служения не частным, эгоистическим, а всеобщим европейским интересам. Ведь не удержи Русь монгольское нашествие, не разгроми Россия полчища Наполеона, не разбей Советский Союз армии Гитлера - история Европы и мира могла бы быть совершенно другой и многие ожесточенные критики России просто не имели бы удовольствия жить на свете. Иногда, в редкие, к сожалению, моменты, Европа понимала это и воздавала должное русским. Об одном из таких исторических эпизодов хотелось бы рассказать сегодня.

О чем молчат памятники

Относительно недавно в Таганроге появились памятники Александру I и донскому атаману М. Платову. Судьба распорядилась так, что два сослуживца по заграничным походам русской армии против Наполеона встретили свой последний час на земле бывшего Таганрогского округа Области Войска Донского: Александр I - в Таганроге (19 ноября 1825 г.), а М. Платов - в имении под городом (3 января 1818 г.). Говорят, что в последние минуты человек вспоминает всю свою жизнь, и особенно ее наиболее яркие события. В таком случае и Александр I, и М Платов обязательно должны были вспомнить свой триумфальный визит в Лондон после вхождения российских войск в Париж.

190 лет назад, в полдень 25 мая 1814 года (6 июня по новому стилю), находящаяся в морском проливе у французских берегов английская эскадра снялась с булонского рейда и двинулась к английскому Дувру. Впереди шел новый линейный корабль «Непреодолимый», которым руководил адмирал герцог Кларенский. На судне находились высочайшие особы: император Александр I, его сестра - великая княгиня Екатерина Павловна и король Пруссии. На следующих трех судах разместились свита, в том числе и Матвей Иванович Платов. Гости ехали по приглашению правящего в Англии принца-регента (сына короля Георга III, впавшего в безнадежное помешательство). Приглашение со стороны британского правительства и парламента было знаком признательности тем, кто своим мужеством и кровью спас их страну от грозного владыки - Наполеона. Вручая приглашение, английский посол особо настаивал на том, что в числе гостей крайне желательно видеть предводителя казаков атамана М. Платова.

Эйфория

Тогда о казаках в Англии ходили разные легенды. Их даже считали решающей силой в разгроме наполеоновской армии. Наряду с чествованием заслуг казачества здесь был и тонкий умысел: дескать, русским помогли одолеть врага не напряжение сил всего государства, армии и народа, а экзотические обстоятельства - мороз, просторы и казаки. Британцы серьезно обсуждали вопрос о формировании подразделений береговой охраны наподобие казачьих отрядов. Когда к вечеру эскадра вошла в Дувр, на подходе к порту прогремел салют. Корабли причалили. Толпа встречавших с именем Платова на устах бросилась к сходням брига, на котором находился донской атаман. Увидев первого попавшегося блестящего генерала из императорской свиты, люди подхватили его на руки и понесли на берег. На

свою беду, тот знал английский и закричал, что он не Платов. Его тотчас бросили, и генерал свалился прямо в воду. Беднягу едва спасли. Первый порыв схлынул, и атаману в окружении офицеров удалось спокойно сойти на берег. На груди графа Платова позвякивали многочисленные ордена и медали, на папаше ярко сияло бриллиантовое перо, а у пояса висела усыпанная драгоценными камнями сабля - награда Екатерины II за персидский поход.

Почетных гостей ожидали уже два дня, и все это время на дороге из порта Дувр в Лондон народ дежурил, чтобы не пропустить проезда почетного эскорта. Британская предприимчивость и здесь сказала свое слово: у дороги дельцы поставили кабриолеты и в них за большие деньги продавали места. Под бесконечные крики «Виват!» делегация во главе с Александром I проехала этот путь и разместилась в лучших лондонских дворцах и гостиницах. Но и здесь не было покоя. Несмотря на охрану, сюда проникали различные влиятельные лица из местной знати и приглашали к себе домой на балы и банкеты. В честь россиян в театрах шли спектакли, и их владельцы настойчиво просили гостей непременно быть на постановках. Когда Александр I или М. Платов появлялись, весь зал вставал и криками восторга приветствовал русских. Не желая обидеть радушных хозяев, донской атаман бывал в день на двух или трех постановках.

Скакать так скакать

В знак особого радушия гостей пригласили на любимые всеми англичанами традиционные скачки в небольшой городок Аскот. Здесь в полдень появился сам принц-регент с Александром I, его сестрой и королем Пруссии. Однако, пока не было популярных полководцев Платова и прусского фельдмаршала Блюхера, толпа начала скандировать их имена. Наконец подкатил в экипаже Блюхер, потом прибыл и Платов. Донской атаман подъехал верхом, и его так стеснили, что он не мог и полшага проехать в ту или иную сторону. Каждый старался пожать ему руку и считал себя счастливым, если это удавалось. Хорошо одетые женщины отрезали по волоску из хвоста атаманской лошади и тщательно заворачивали драгоценность в бумажки. Платов не успел занять место в ложе, как люди стали хором петь песню о героизме казаков, которую донской атаман выслушал стоя.

Но и после этого графа-казака не оставляли в покое. Устроители скачек пробрались в ложу и предложили выставить на забег атаманского жеребца. Это было против правил - выставлять на скачки обычного боевого и не подготовленного специально коня. После долгих уговоров Платов согласился с условием, чтобы наездником был не жокей, а его ординарец. Узнав об этом, принц-регент изумился, а публика заволновалась, в тотализаторе возникла неразбериха. Конь не подвел - разделил второе и третье места безо всякой предварительной тренировки. Сенсация! Принц-регент авторитетно заявил, что дончак не уступает лучшим скакунам королевства и выразил желание запечатлеть коня на картине. Не привыкший к подобным изыскам атаман поступил проще - подарил жеребца королевской особе. Тогда принц подарил гостю чистокровного английского жеребца, занявшего первое место на скачках. В этот момент к Платову протиснулся высокий белокурый слегка прихрамывающий мужчина. Это оказался знаменитый писатель и поэт Вальтер Скотт. Он заявил, что в долгу перед атаманом, ибо среди его героев, о которых он писал, еще нет Платова.

Донской доктор наук

На следующий день блестящая свита на яхтах поплыла по Темзе в городок Оксфорд, знаменитый на весь мир своим университетом. Тогда старейшему учебному заведению было 700 лет (а сейчас - 890). Гости ознакомили с библиотекой, типографией, картинным залом, где находилось собрание редких полотен известных художников. А поутру 11 июня (по новому стилю) в театральном зале университета состоялось торжественное заседание. Гости в черных мантиях восседали на виду у ученых, облаченных в такие же одеяния. На возвышение вышел канцлер университета лорд Гренвиль. На груди поверх мантии у него была массивная золотая цепь, на ней - крупный бриллиант. Взволнованный донской атаман ясно услышал свою фамилию в долгой речи ученого, который перечислил все сражения, где отличились платовские войска. Когда канцлер завершил речь, все встали и на генерала надели черную мантию. Отныне он стал почетным доктором наук Оксфорда.

Английская жена

Однако на этом английские приключения донского атамана не закончились. Пожилой, но еще статный атаман вызывал у английских дам массу самых нежных чувств. Разумеется, Матвей Иванович держался степенно и не стремился в объятия британских прелестниц, чтобы не скомпрометировать себя. Но одна из его знатных поклонниц, узнав, что Платов вдовец (первая и вторая жена умерли, когда он был в походах), решила зайти с другой стороны. Случилось это в доме российского посла в Лондоне князя Ливена. Его словоохотливая супруга Дарья Христофоровна по-своему выразила сочувствие атаману, оставшемуся одиноким. На шуточный вопрос Платова, уж не хочет ли она его женить, Дарья Христофоровна ответила утвердительно. Генерал всполошился и стал отговариваться старостью, взрослыми детьми и внуками, но супруга посла была настойчива.

Она заявила, что у нее на примете есть богатая дама бальзаковского возраста - дочь знатного сэра Питера Элизабет. Атаман выдвинул аргумент: может быть, данная особа не согласится покинуть Англию. Выяснилось, что и этот вопрос уже решен - она готова ехать за своим героем хоть на край света. Платов выдвинул последнее возражение: Элизабет не православная. Но вмешался подученный женой посол князь Христофор Андреевич. Он убедил смущенного «жениха», что главное - достойная жена, а с верой атаман разберется потом. В конце концов, Элизабет можно будет со временем крестить и назвать Елизаветой Петровной. Обложенный со всех сторон вихрь-атаман с тоской согласился на смотрины. Но это чувство рассеялось на следующий день, когда на приеме у посла он увидел немолодую, но симпатичную женщину. Между ними завязалась беседа, где переводчицей выступила вездесущая Дарья Христофоровна. Невеста понравилась, и Матвей Иванович пригласил ее, следуя строгим правилам этикета, просто погостить на Дону. Элизабет восторженно согласилась. На этом первое свидание завершилось.

Через неделю М. Платов простудился в сыром лондонском климате, и любящая Элизабет стала дежурить у постели больного. Российская делегация во главе с Александром I простилась с атаманом, оставив его выздоравливать в доме российского посланника. За это время «молодые» лучше узнали друг друга и Матвей Иванович даже пришел к выводу, что англичанка чем-то напоминает его последнюю жену. В свою очередь, Элизабет научилась понимать по-русски, и между ними начался диалог. Атаман пошел на поправку и в конце июня прибыл с новой женой на ожидавший его российский военный корабль. Корвет снялся с якоря, и с берега донеслись залпы салюта. На выходе из бухты на рейде их провожал салютующими выстрелами линейный корабль британского флота «Граф Платов».

Уже после отплытия Матвея Ивановича из Англии 8 июля в Лондоне состоялось общее заседание муниципалитета. На нем решили в ознаменование успехов русского оружия и мужества казаков поднести атаману графу М. Платову особую саблю. Над почетным даром работали лучшие английские мастера. На одной стороне эфеса они изобразили на эмали герб Великобритании, на другой - платовский вензель. Верх эфеса украсили алмазами, на ножнах отобразили отдельные сражения, где участвовал атаман. На самом лезвии вывели текст постановления муниципалитета. Саблю вручил Платову во Франции английский фельдмаршал Веллингтон. Ныне эта сабля находится в Новочеркасске в Музее истории донского казачества. Стоит еще добавить, что принц-регент подарил донскому герою свой портрет, часы и табакерку. Портрет Платова и изображение его боевого коня по кличке Леонид были помещены в галерее Королевского дворца рядом с изображениями знаменитых европейских полководцев - фельдмаршалов Веллингтона и Блюхера.

Авторитет России в мире тогда настолько возрос, что Европа позволила Александру I создать объединение государств - «Священный союз» с Россией во главе. Это образование чем-то напоминало современное Европейское экономическое сообщество и несколько десятков лет поддерживало мир и стабильность на континенте. Вот о чем, если бы умели говорить, рассказали потомкам памятники императору и донскому атаману в нашем городе. Но они, естественно, молчат. Молчит об этом и наше телевидение, дорогие сообщения публикует центральная пресса. В результате у нас лучше знают историю ковбойского амери-

канского Запада, чем историю России и Дона. Да и то, что известно по популярным телепередачам и публикациям среднему обывателю, напоминает странный коктейль из царского «темного» прошлого и сталинских репрессий. Все это рождает чувство национальной неполноценности. С таким чувством достичь широких позитивных перемен в стране просто невозможно. Поэтому ситуацию необходимо менять.

Почему бы городской власти и общественности не возродить дореволюционную традицию официальных поминальных мероприятий в день смерти Александра I в Таганроге? А может быть, 24 июня, в день начала Отечественной войны 1812 года, официально возлагать цветы к памятнику Александру I и атаману Платову, как это делается 22 июня в день начала Великой Отечественной войны?

Над всем этим стоит серьезно подумать, ведь, только опираясь на лучшие примеры из прошлого, можно построить и лучшее будущее. Иного не дано.

ЦГТБ имени А.П. Чехова